

Г Л А В А III

СИНХРОННЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ

Могильники у с. Головино являются характерными, но не единственными памятниками эпохи широкого освоения железа. Севернее этой группы, на высоком, хорошо укрепленном природой плато реки Дебед-чай, у с. Ворнак расположены разновременные могильники, обследованные археологами неоднократно¹.

К важным результатам привели работы, произведенные здесь Е. С. Такайшвили в 1894 году, открывшим 40 каменных ящиков, сложенных из базальтовых плит и перекрытых таковыми же. Большая часть этих погребений, подобно раскопанным нами у села Головино, являлась рядовой, бедной, содержащей исключительно керамическую посуду. Некоторые же из них особо выделялись содержащимся в них характерным инвентарем, как это заметил еще Е. С. Такайшвили:

«Из всех гробниц особенного внимания заслуживает гробница № 16; она является выдающейся по своему содержанию не только в пределах Ворнака, но и в пределах окрестностей Лалварских гор»². Разумеется, автор этих строк не мог при начальном этапе развития археологических работ характеризовать эту культуру.

Исчерпывающую же характеристику Ворнакского могильника дал Б. Б. Пиотровский: «Для хронологического разделения погребений Ворнакского могильника, — писал он, — важное значение имеют материалы Е. С. Такайшвили 1894 г., в которых отчетливо различаются два комплекса предметов, один (погр. № 16), аналогичный комплексу предметов из Самтавро (погр. № 591), и другой (погр. № 5), соответствующий могильникам VII—VI вв. до н. э. Лори-Памбакского района»³.

Таким образом, эти погребения являются в сущности двумя хронологическими опорами для разделения во времени не только Ворнакских могильников, но и могильников всей Армении. Одно (№ 16) из этих двух погребений, описанных в литературе впервые Б. Б. Пиотровским, относится к периоду начального освоения железа, а второе (№ 5) — к эпохе широкого освоения железа⁴.

¹ А. Д. Ерицян, 1871 г., Н. Я. Марр, 1893 г., Е. С. Такайшвили, 1894 г.

² Е. С. Такайшвили, Дневник раскопок, стр. 16.

³ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, 1949, стр. 64.

⁴ Инвентарь из этих погребений хранится в отделе Востока Гос. Эрмитажа.

Погребение № 5 близко напоминает, с одной стороны, кромлех № 3 в ущелье Хртаиоц, а с другой—некоторые погребения Лалварских могильников. Погребение № 5, расположенное в средней части плато, на узкой его террасе, было сооружено из цельных, довольно массивных каменных плит и направлено с ЮЗ на СВ. Положение человеческого костяка не установлено ввиду плохой его сохранности, но, судя по расположению инвентаря, труп был погребен в лежащем положении¹. В северной части могилы вместе с кувшином и горшком оказалась только часть украшений погребенного: височное кольцо из бронзы, шейная гривна (табл. XVII, рис. 5, инв. 16723), орнаментированные точечным узором щипчики (табл. XVII, рис. 1, инв. 16724) и небольшая фибула с выгнутой дужкой (табл. XVII, рис. 2, инв. 16725). Другие украшения—змеиноголовый браслет из бронзы (табл. XVII, рис. 3, инв. 16728) и два орнаментированных четырехугольных в сечении кольца (табл. XVIII, рис. 4, инв. 16730) оказались в средней части погребения вместе с оружием, изготовленным исключительно из железа: изогнутый нож с пятью гвоздиками и отпечатками деревянных накладок на рукоятке (табл. XVII, рис. 6, инв. 16726), миниатюрный, сильно перержавевший наконечник копья (табл. XVII, рис. 7, инв. 16733), железный кинжал лалварского типа с ножнами из листовой бронзы (табл. XVII, рис. 8, инв. 16731), украшенными выдавленным точечным рисунком, представляющим собою человеческую фигуру с поднятыми вверх руками и перекрещенные круги под и над нею, и второй железный кинжал с изогнутой рукояткой, в ножнах из листовой бронзы, имеющих деревянную подкладку изнутри и украшенных тремя выпуклыми продольными полосами снаружи (инв. 16732, табл. XVII, рис. 9)². Вместе с оружием здесь же был обнаружен точильный камень (инв. 16727, табл. XVII, рис. 10) с железным кольцом.

В южной части погребения вместе с черепками глиняной посуды был обнаружен цельный сосуд, слепленный из трех сообщающихся между собою сосудиков, снабженных ручками (инв. 17265, Эрмитаж). К сожалению, не удалось составить точное представление о керамике этого погребения, но нужно отметить, что керамика ворнакских погребений в целом резко отличается от керамики, рассмотренной нами выше, хотя в ней имеются довольно близкие к последней образцы. Наоборот, металлический инвентарь этих погребений по целому ряду основных линий обнаруживает большое родство с инвентарем могильников у с. Головино, разве с той только разницей, что здесь появляются новые, по сравнению с инвентарем из могильников у села Головино, образцы украшений (фибула и щипчики). В связи с этим необходимо иметь в виду то обстоятельство, что говоря о тождестве той или иной культуры, мы подразумеваем всегда основное направление развития материальной культуры на сравнительно большой территории и вовсе не игнорируем специфические черты, присущие синхронным памятникам, расположенным в различных районах Армении или Закавказья.

¹ Е. С. Такайшвили, Дневник раскопок, стр. 45—51.

² Краткое описание этой могилы см. Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 118.

Аналогичные погребению № 5, но, правда, менее характерные, каменные ящики были раскопаны Е. С. Такайшвили и в восточной части Ворнакского плато (погреб. №№ 1, 2 и другие) и в селениях, близлежащих от Ворнака (Матур — погр. №№ 3, 5, 6, 7, Ахпат — погр. № 2).

Но богатейший сравнительный материал дали раскопки разновременных могильников, расположенных севернее предыдущей группы, на Лалварском массиве. Огромное их значение заключается в том, что они дали весьма характерный для железного века Армении, хорошо датированный и четко разграничивающийся массовый материал, который замечательно связывает культуры, обнаруженные южнее (Головино) и севернее Лалвара (Дманиси).

Приведем два—три примера для сравнения.

Раскопками Ахталинского могильника, произведенными Ж. Морганом в 1888 году, наряду с более ранними погребениями, были открыты и более поздние, относящиеся к VII—VI вв. до н. э. Одно из них (№ 47) по своему инвентарю и даже по его расположению в могиле почти не отличается от кромлеха № 3, раскопанного в ущелье Хртаноц (1950 г.). Погребение № 47 представляло собою «каменный ящик» обычного для Лалвара типа. Костяк лежал в нем на левом боку в скорченном положении и был направлен головой на север. Здесь же, у головы (перед лицевой ее частью) находились чернолощенная большая миска и лощеный орнаментированный кувшин с дугообразной ручкой, а в противоположной стороне — большой железный наконечник копья (типа табл. I, рис. 1). Около шейных позвонков помещались полусферические бронзовые пуговицы (типа коллекционных), фибула с плоской дугой и маленького размера булава с массивной продырявленной головкой. На каждой руке были надеты по паре браслетов. В средней части могилы, у тазовых костей, рядом с бронзовым неорнаментированным поясом лежали железный кинжал с бронзовыми накладками на рукоятке, аналогичный кинжалу из кромлеха № 3, железный изогнутый нож и продолговатой формы точильный камень. На каждой ноге погребенного имелось по четыре браслета. Здесь же, рядом с ними, стоял одноручный большой кувшин. Все это покоилось на деревянной (не сохранившейся) молотилке, кремневые вкладыши которой были рассыпаны по всей могиле¹.

Датировка подобных погребений дается двуперыми и трехгранными наконечниками стрел раннескифского типа и аналогиями в материале из Кармир-блур, как на это указал Б. Б. Пиотровский².

Двуперые наконечники стрел раннескифского типа были обнаружены Морганом при раскопках богатейшего Лалварского могильника (1888 г.) в Мусиери, состоящего из каменных ящиков и могил, сложенных из мелких камней, где кроме железных изогнутых ножей, крупных наконечников копий и других материалов, обычных для могильников Лалвара, были обнаружены в большом количестве железные кинжалы, а иногда и железные крупные мечи (погр. 472).

¹ J. de Morgan, Mission Scientifique au Caucase, 1, стр. 59—62.

² Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 117.

Погребение № 242 этого могильника близко напоминает ахталинское погребение № 47. Оно представляет из себя каменный ящик, сложенный из четырех цельных базальтовых плит и ориентированный с северо-запада на юго-восток. Костяк, направленный головой на северо-запад, лежал на левом боку в скорченном положении. Шея его была украшена двумя бронзовыми, сильно закрученными гривнами типа табл. VIII, рис. 7—8, а руки восьмью однообразными замкнутыми браслетами типа таблицы VI, рис. 8—10. В северо-западной части могилы лежали два крупных наконечника копий из железа и рядом большой сосуд. В северо-восточном и юго-западном углах могилы были помещены два кувшина с дугообразными ручками и другой сосуд. У поясицы костяка, рядом с двумя ромбическими украшениями, изготовленными из бронзовых пластин, лежал железный изогнутый нож, а немного ниже, у ног — фибула с плоской дугой, бусы из сердолика и стекла и восемь наконечников стрел из бронзы и железа, среди которых и оказались скифские двуперые стрелы¹.

Аналогичные 242-му, погребения на этом могильном поле составляют огромное количество (№№ 79, 134, 215 и многие другие).

Поздняя группа погребений Шейтандагского могильника датируется также скифской, трехгранной по форме стрелой, но, к сожалению, Ж. Морган не приводит описания могилы, где была обнаружена эта стрела, и ограничивается лишь общим замечанием о том, что в погребениях Шейтан-дага были обнаружены железные и бронзовые стрелы². Тем не менее, очень не трудно среди описанных Морганом погребений выделить позднюю их группу, к которой относятся погр. №№ 14, 38, 40, 23 и, вероятно, многие другие, так как к этой группе Морган относит 40 погребений.

Между Лалварскими и Цалкинскими могильниками времени широкого использования железа промежуточное (географически) положение занимает могильник, открытый у стекольного завода в сел. Дманиси, в Башкичетском районе Грузинской ССР. Причисление его к ряду рассмотренных могильников кажется нам необходимым не только по географическому его расположению, что имеет огромное значение в смысле культурных связей, но и потому, что в сущности могильник этот своим материалом обнаруживает более, чем близкие отношения, с одной стороны, с погребениями Лалвара, с другой — с погребениями Цалкинской группы и даже Северной Осетии, датируемыми VII—VI вв. до н. э.

Несомненно, могильник этот содержит разновременные погребения, но отнесение их к X—IX вв. до н. э., как это делал Г. К. Ниорадзе, отрывая, таким образом, их от всей окружающей культурной среды, нам кажется необоснованным. Несомненно, прав Б. А. Куфтин, когда он сравнивает могилу № 2 у стекольного завода с 74 погребением в Мусиери, относящимся к поздней группе лалварских могил³. Рассмотрим погребение № 2, раскопанное Ф. Рейсмером и Н. Квезерели в числе четырех других, еще до раскопок Г. К. Ниорадзе.

¹ J. de Morgan, ук. соч., стр. 69—71.

² Там же, стр. 55.

³ Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 49.

Это ящичное погребение, заключавшее в себе костяк в сидячем или же скорченном на боку положении, содержало весьма характерный инвентарь: бронзовый пояс в обломках, имеющий на себе два ряда спиралей и под ними изображения фантастических зверей, круглоголовые с отверстием «булавки», украшенные изображениями подобных же зверей, железный кинжал с обоймчатой бронзовой ручкой (типа, обнаруженного в погребении № 74 Мусиери), гнутые ромбические бубенчики из бронзовых пластинок, узкогорлый с широким корпусом кувшин и круглая миска (блюдо) с вертикальным бортом¹.

Позднее Г. К. Ниорадзе вторично обследовал этот могильник, открыв здесь 14 погребений, состоящих, главным образом, из каменных ящиков и, частично, из грунтовых ям. Среди них особенно выделяется погребение № 4, где вместе со скорченным костяком оказались кости собаки и коня. Инвентарь погребения довольно характерный. Керамика, состоящая из горшочка и трех острореберных чаш, довольно своеобразна и не находит близких аналогий среди керамики из других могильников Закавказья. В общих чертах она близка к керамике из некоторых могил близ Кармир-блур и к случайно найденным образцам близ ереванского вокзала. Для всех сосудов этих групп характерны горизонтальные полосы, нанесенные на их плечиках, и форма, сложенная как бы из двух симметричных частей. Таким образом, сосуды эти близки друг к другу, по крайней мере, по технике их изготовления, что имеет большое значение для их хронологизации.

Бронзовый инвентарь этого погребения состоял из браслетов, украшенных часто насечками, «булавок» маленького размера, типа шейтандага, цепочек с круглыми звеньями, широко распространенных во всем Закавказье, фрагментов пояса, изготовленного из гладкого (неорнаментированного) бронзового листа и мелких ромбовидных полусферических бубенчиков.

Комплекс этот дополняется сердоликовыми, хорошо шлифованными бусами, бисером из голубой и белой пасты, раковинами каури и бронзовым умбоновидным предметом, найденным около скелета лошади².

Оружие этого погребения оказалось железным: обломки меча, плохо сохранившиеся ножи и наконечники копья знакомого нам типа.

По пути от Дманиси на север, на территории Цалкинского плоскогорья, известного своими богатейшими курганами, расположено несколько могильников, раскопанных экспедицией Комитета по охране древностей Грузии (Б. А. Куфтин) в разное время. Они очень близки к выше рассмотренным могильникам по обнаруженной в них материальной культуре. В эту группу входят два могильника с ящичными погребениями у селения Цинцкаро (1937 г.), датированных Б. А. Куфтиным ванской эпохой, могильник около с. Бешташени (1939 г.), датированный Б. А. Куф-

¹ Г. К. Ниорадзе, Могильник „стеклянного завода“, ПИДО, № 3, Москва, стр. 91—99, 1934.

² Г. К. Ниорадзе, Некоторые особенности Дманисского некрополя, Вестник Гос. Музея Грузии, XIV—V, стр. 1—66, 1949.

тиным раннеахеменидской эпохой на основании трехгранной стрелы раннескифского типа и пятилучевой серьги, типа Казбекского клада и, наконец, к этой же группе относятся погребения в урочище Маралын-дереси, датированные Б. А. Куфтиным ванской эпохой. Характернейшую часть инвентаря этих могильников составляет оружие, изготовленное из железа: изогнутые ножи и наконечники копий урартского типа, а также кинжалы с бронзовыми прорезными рукоятками и редкие железные топоры. Керамика этих могильников выказывает отдаленное сходство с более южной керамикой, но есть образцы (кружки и др.) весьма близкие к типам керамики из ущелья Хртаноц.

Из украшений особенно характерны сердоликовые, стеклянные и пастовые бусы в виде «домино», а также бронзовые булавки с отверстием, спирально-свернутые кольца, браслеты и другой инвентарь типа поздней группы могильников Лалвара¹. Вместе с этим особенный интерес представляет и то важное обстоятельство, что здесь уже четко подчеркиваются связи с горным Кавказом, как на это указал Б. А. Куфтин². В этом отношении весьма характерны два погребения (№№ 4—5), раскопанные в урочище Маралын-дереси.

Погребение № 5 представляет собою каменный ящик, обставленный плитами только с двух сторон, заключающий в себе человеческий костяк в сидячем положении. Инвентарь погребения, состоящий из бронзового пояса, спирального перстня и семи глиняных сосудов, беден, но весьма характерен. Пояс этот по двухрядно-спиральному орнаменту краев и по изображению фантастических животных, расположенных в двух продольных рядах, передающих сцену охоты, близко напоминает лалварские мотивы и вместе с тем почти копирует пояс, происходящий из Северной Осетии (коллекция Ольшевского), опубликованный П. С. Уваровой. Такое наблюдение подтверждается особенно инвентарем погребения № 4, содержащего одночленную фибулу кобанского типа и бронзовую мотыгу, гребешок с полумесяцем, выступающим сверху, типа, найденного Морганом на Лалваре, а также два браслета из бронзы, железный ножик, сердоликовые, пастовые и стекловидно-апаковые бусы и раковины каури, весьма характерные и для южных районов.

Проследив распространение синхронных и идентичных, по значению, археологических памятников с юга на север, по прямой линии, на некотором участке территории северной Армении и частично Грузии, мы ограничиваемся описанием приведенных уже выше памятников. В силу необходимости, только отметим, что культура, представленная здесь несколькими лишь памятниками, сплошным покровом распространена на всей территории междуречья Куры и Аракса. Севернее описанной группы расположена весьма характерная группа мцхетских погребальных памятников, куда входят погребения нижнего яруса Самтаврского могильника, прочно датируемые архаичными скифскими стрелами (погр. №№ 592 — Байэрна и 27, 194—А. Н. Каландадзе), и совместное погребение челове-

¹ Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 49—53.

² Там же, стр. 50—52.

ка и коня, раскопанное Г. С. Читая (1924 г.), датируемое также архаическими скифскими наконечниками стрел, найденными вместе с очень характерным инвентарем¹. В эту группу следует включить также и могильник, раскопанный Л. Меликсет-Беком в Манглиси.

Южнее сел. Головино также четко наблюдается ряд синхронных памятников. Лишь вкратце остановимся на комплексе предметов из раскопок, произведенных в марте 1929 года экспедицией Комитета по охране памятников древности в сел. Бджни, Ахтинского района. Весь материал этого комплекса до мельчайших деталей соответствует инвентарю из хрtaноцских кромлехов. В него входят четыре наконечника копья (инв. 319/44) из железа типа табл. I, рис. 1—7, трубочки из листовой бронзы (инв. 319/40), отличающиеся от найденных в кромлехе № 1 (табл. XII, рис. 11) лишь тем, что не имеют на себе геометрического орнамента, витые (319/3) и гладкие (319/1) шейные обручи типа табл. IX, рис. 1, 8, браслеты в сечении ромбовидные (инв. 319/27, 28), близко напоминающие таковые из Ворнака (табл. XIII, рис. 4), браслеты с насечками и с заходящими друг на друга концами, характерные для кромлехов в ущелье Хрtaноц, два змеиноголовых браслета (инв. 319/20) типа табл. XVI, рис. 2, из голубой пасты круглые пронизи с насечками (инв. 319/35), характерные также и для Хрtaноцкого могильника, замечательный широкий пояс в четырех фрагментах из листовой бронзы (инв. 319/45), орнаментированный по краям гравированным «жгутом», соответствующим подобному орнаменту на обломках декоративного щита Русы, сына Эримены из храма на Топрах-кале, и, наконец, часть железных уди², соответствующая по типу удилам, найденным в 1940 г. на Кармир-блуре, около крепостной стены восточного здания. Подобного типа удила охватывают всю Переднюю Азию и Закавказье. Аналогичные удила, происходящие из Афин, датируются VI в. до н. э.³

В бассейне оз. Севан расположено несколько групп курганов и кромлехов, относящихся определенно к интересующему нас времени. Сюда входят: группа погребений в сел. Загалу (№№ 4, 25, 26, 40, 42 и др.), две группы курганов в селе Кишлаг, на Маничаровом холме (№№ 3, 4, 5, 6, 7 и др.); группа курганов в сел. Паташар (№№ 23, 41), курганы у сел. Гулалу и др.⁴

Работами, произведенными летом 1950 г. М. С. Асратяном, удалось намстить близкие к перечисленным погребения южнее севанской группы, в селе Сисиан, Сисианского района, представлявшего из себя до тех пор белое пятно в интересующем нас отношении.

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 310.

Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 47.

² Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 208—210, рис. 60, 61.

³ Из этого же могильника происходит очень интересный комплекс более раннего возраста, соответствующий, повидимому, старшей группе Ворнака.

⁴ В. Л. Шанян, Գեղարքունիքի կամ Նոր-Բայազետի գավառ, էջ 35—128. Ազգագրական չանդես, գիրք 14, 15, էջ 164—205, գամբանները պեղումները Պորհրդային Հանրապետությունում:

К западу от Мшхета культура эта представлена могильником с ямными погребениями у села Двани, датированным С. И. Макалатиа¹ с помощью наконечников стрел раннескифского типа, кинжалов, близких по типу к скифским акинакам, и других материалов.

Юго-западным пунктом распространения этой культуры можно считать село Заким, Карсской области, ссылаясь на находку там браслета, украшенного на концах змеиными головками, бронзового пояса, украшенного деревьями жизни и изображениями фантастических зверей, датированного Б. Б. Пиотровским VII—VI вв. до н. э. по аналогии с раннескифскими блестящими памятниками Келермеса и Литого Кургана и с материалами Кармир-блур. Таким образом, мы получаем довольно большую территорию, охватывающую среднее течение рек Куры и Аракса и образующую форму неправильного четырехугольника, северо-восточным пунктом которого является сел. Цицамури, северо-западным сел. Двани, юго-восточным сел. Сисиан, а юго-западным сел. Заким². При этом бросается в глаза то обстоятельство, что могильники на территории этого четырехугольника расположены довольно густо не только в горных районах, но и на долинах. Такое месторасположение археологических объектов эпохи широкого распространения железа очень близко напоминает картину распространения закавказского энеолита, названного Б. А. Куфтиным Куро-Аракским³. Это явление не может быть случайным, тем более зачастую культурные слои периода урартского владычества в Армении залегают прямо над слоями энеолита в буквальном смысле этого слова. Но как бы широко не были распространены эти могильники, характеризовать культуру данного периода только на основании их изучения представляется невозможным, так как древние поселения, представляющие собою, в сущности, остатки материальной жизни общества, дают более широкое и правдивое понятие о материальном производстве и об уровне его развития в ту или иную эпоху. К сожалению, в междуречье Куры и Аракса поселения эпохи железа до сих пор не изучены, хотя комплексное изучение могильников и поселений является одним из важнейших требований советской археологической науки.

Этот существеннейший пробел в связи с изучаемым нами вопросом значительно восполняется изучением археологических памятников древневосточного типа, находящихся на территории Армении и тесно связанных с рассмотренными могильниками как по культуре, так и по времени.

Одним из самых замечательнейших древневосточных памятников, широко распространенных на территории Армении, является урартская крепость Тейшебаини, на холме Кармир-блур, близ Еревана, которая

¹ С. И. Макалатиа, Раскопки Дванского могильника, СА, XI, 1949.

² Несомненно, памятниками исследуемой эпохи богата и Западная Армения, как на это указывают обнаруженные там отдельные предметы, намекающие на близкое культурное родство, но в силу неизученности этой территории целиком, мы вынуждены ограничить пока ареал рассматриваемой культуры армянскими историческими областями Ширак и Сюни.

³ Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий у подножья Арарата и Куро-Аракский энеолит. Вестник Гос. Музея Грузии, XIII—B, 1944.

имеет очень много близких элементов с памятниками из отмеченных могильников. Постройка ее царем Руса, сыном Аргишти (вторая четверть и середина VII в. до н. э.), была засвидетельствована обломком клинообразной надписи, сохранившей на себе имя царя Русы и формулу проклятия, направленную разрушителям ее¹, а также надписью на бронзовом замке, найденном в одном из помещений цитадели². Раскопки этой грандиозной цитадели, дворца урартского наместника, сооруженного на левом берегу р. Раздан, не только подтвердили первоначальную ее датировку, но и дают богатейший из года в год все умножающийся материал, освещающий не только вопросы урартской истории в экономическом, политическом, и в культурном отношении, но и вопросы истории первобытного общества времени урартской экспансии в Армении, характеризуя собой, таким образом, культуру этапа древневосточного рабовладельческого общества на территории Армении, когда оно входило в состав древне-восточного государства Урарту. Говоря о закавказской культуре отмеченного этапа, Б. Б. Пиотровский неоднократно указывал, что: «В культуре Закавказья VII и нач. VI вв. до н. э. отчетливо наблюдаются три слагающих ее элемента: основной — местный закавказский, явившийся наследием культуры эпохи бронзы, урартский, обеспечивший связи Закавказья с культурой древнего Востока, и скифский. Эти три элемента, в их взаимосвязи, особенно четко должны выступить при исследовании урартских административных центров. Поэтому неудивительно, что в настоящее время наиболее богатый материал по этой проблеме, имеющей исключительное значение для понимания древнейшего этапа истории Закавказья, дают раскопки урартской крепости на Кармир-блуре...»³.

Взаимосвязь этих трех элементов особенно ярко иллюстрируется сравнительным изучением урартских и местных синхронных археологических памятников. И в указанном отношении Кармир-блур представляет незаурядный интерес, так как в сущности на маленьком участке земли (всего 44 гектара) в едином комплексе и в неразрывной связи представлены замечательные памятники как урартской, так и местной культур. Сравнительное их изучение с учетом материалов из раскопок могильников Армении может привести нас к интересным результатам. В этой связи мы приводим описание раскопок некоторых помещений цитадели на Кармир-блуре, имевших хозяйственное назначение.

Помещение № 18, раскопанное нами в 1948 г., представляло собою маленькую продолговатую комнату (дл.—8,30 м, шир.—4,20 м), расположенную параллельно комнате № 17. Культурный слой ее располагался на глинобитном полу и содержал большое количество пшеничного зерна, рассыпанного по полу, а также разнообразные комплексы вещей, изготовленных из железа, бронзы и других материалов.

Среди железного инвентаря, обнаруженного в помещении, выделяются, как весьма близкие по форме к предметам из могильников Закав-

¹ Б. Б. Пиотровский, *ук. соч.*, стр. 157—158.

² Б. Б. Пиотровский, *Кармир-блур, I*, Ереван, 1950, стр. 20—21.

³ Б. Б. Пиотровский, *Кармир-блур, I*, стр. 12.

казья, так и отличные от них изделия. Первые из них представлены железными серпами (2 шт.), отличающимися от серпа из погр. № 2 с. Головино несколько большим размером¹, разнообразными по форме ножами, среди которых количественно преобладают (3 шт.) серповидно изогнутые ножи известного нам типа², двумя железными вилами-трезубцами³, неизвестными среди закавказского материала, но, несомненно, применявшимися в сельском хозяйстве, и, наконец, одним кинжалом. Вместе с ними была обнаружена часть железной накидной петли, обычной для урартских поселений формы и совершенно не применяемой в Закавказье.

Но исключительный интерес представляет комплекс бронзовых предметов, состоящий из шести плохо сохранившихся чаш⁴ разной формы, двух дисков и одного шлема ассирийского типа. Некоторые из этих чаш с низким бортом имеют совершенно простую форму и близко напоминают чаши, представленные в коллекции Государственного Исторического музея Армении, другие же представляют собой глубокие миски с отогнутым венчиком.

Сплюснутый остроконечный шлем ассирийского типа имел в лобовой части вертикальную полосу, а у височных частей через сделанные там отверстия были прикреплены два ушка из бронзовых проволочек. Нижняя часть шлема была украшена четырьмя горизонтальными выпуклыми полосками.

На полу помещения, среди бронзовых сосудов, были обнаружены также скифские и египетские предметы. Скифские предметы принадлежали частям конского убора, совершенно отличного от урартских, и состояли из железных удил⁵, плоских костяных трензелей, имеющих по три отверстия и украшенных на концах изображением копыт, широко распространенного в Причерноморье типа, четырех бронзовых клювовидных пояжек, наделенных отверстием снизу и повторяющих в форме келермесские золотые и роговые пряжки, а также одной барабановидной бронзовой пряжки с двумя накрест помещенными отверстиями⁶. Для этого конского убора особенно характерны костяные пластинчатые псални, которые ведут нас к скифам северного Причерноморья⁷.

В этом помещении было найдено, кроме того, огромное количество бус из сердолика, сардоникса и пасты, среди которых оказались скифская полусферической формы пастовая бусина, покрытая зеленой глазурью и украшенная глубокими рубцами, известного из раскопок Моздокского

¹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, рис. 16.

² Б. Б. Пиотровский, ук. соч., рис. 17.

³ Там же, рис. 20.

⁴ Там же, рис. 34.

⁵ Среди предметов конского убора некоторое сомнение по части скифского происхождения вызывают железные удила и мы склонны считать их изделиями местными, так как в могильниках Армении, относящихся к концу урартского времени, сплошь и рядом встречаются подобные удила, изготовленные из бронзы (поселение и могильник в Ленинакане, Садахло, Лори-берд и др.).

⁶ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, рис. 61—62.

⁷ Там же, рис. 54.

раннескифского могильника и из курпанов близ Смелы (Украина) типа, а также две овальной формы пастовые пронизи (скарабеонды) с египетскими иероглифическими знаками. Одна сторона пронизей была плоской, а другая — выпуклой. Исследовавший эти предметы Б. Б. Пиотровский пишет о них следующее: «На плоских сторонах пронизок вырезаны иероглифические знаки. На первой из них четыре иероглифа. Вверху помещен знак «солнце», а ниже три иероглифа, знак «красота» между двумя знаками «правда». Пронизка со знаками, близкими нашей, была найдена в Навкратисе, в Египте (W. M. Flinders Petrie, *Naukratis*, I, табл. XXXVII, 109). На второй пронизке вырезан знак «золото» или же изображение жертвенника»¹.

Несмотря на то, что подлинно египетские изделия в VIII—VII вв. до н. э. были широко распространены в странах Передней Азии (Ассирия, Урарту) и через Закавказье доходили до районов Главного Кавказского хребта (Рача, село Геби) и переходили на другую сторону его (в верховьях р. Чегема), играя, таким образом, роль предметов междуобщинного обмена, Б. Б. Пиотровский вполне уместно выражает сомнение по поводу того, что они были изготовлены в Египте, так как многие города Малой Азии выпускали подражания египетским изделиям, которые мы не можем отличить от подлинных. Большое количество таких пронизок обнаружено при раскопках Ашура.

Большой интерес представляет также группа бронзовых и железных предметов, найденных в огромной кладовой² (№ 25, дл. 31 м, шир. 10,30 м) с тремя столбами, украшенными многоцветной росписью. Между этими столбами (из сырцового кирпича) стоял оОо-образный глиняный, сильно обожженный жертвенник, рядом с которым были обнаружены курительница и глиняные статуэтки пяти однообразных божков с накинутыми на спину рыбьими шкурами, окрашенными в голубой цвет. Вдоль кладовой, с обеих сторон столбов, в двух рядах были врыты до половины в земляной пол 82 винных караса (большие сосуды) разных величин, носящих на себе меры емкости, обозначенные иероглифически или же клинописью. В одном из порожних карасов оказалось 97 бронзовых чаш, снабженных изнутри клинообразными надписями, упоминающими имена четырех урартских царей Менуи, Аргишти, Сардура и Русы (IX—VIII вв. до н. э.). Кроме расположенных на дне по кругу клинообразных надписей, чаши эти носили на себе иногда еще иероглифические знаки, а также изображения в виде башен, с посаженными на них деревьями, и головок зверей. В этом помещении был обнаружен еще целый ряд глиняных изделий: светильники, воронка, подвесная булла с клинообразными знаками и оттисками печатей. Но исключительный интерес с точки зрения разрабатываемого вопроса представляют обнаруженные здесь металлические предметы.

¹ Б. Б. Пиотровский, *Кармир-блур*, I, стр. 84.

² В раскопках этого помещения участвовали также З. М. Касабян, А. С. Султан-Шах, А. О. Мнацаканян и Г. Х. Сарксян.

Заслуживает упоминания опять-таки скифский конский убор, состоящий из трех бронзовых пряжек в виде птичьего клюва, одной бронзовой пряжки в форме головки барана, железных удил, таких же, какие были в помещении № 18, и железных трэнзелей древнейшего скифского типа. Скифский конский убор был найден также в 1946 году в одном из других помещений вместе с костяками четырех лошадей с завернутыми под туловище шеями, оставляющих впечатление падения с большой высоты. В отличие от предыдущего, этот конский убор происходит из районов Прикубанья¹. Среди этих скифских предметов были найдены обломки склепанного из листовой бронзы сосуда (ситулы), снабженного двумя ручками². Подобные сосуды широко распространены на Кавказе. Они все склепаны из листовой бронзы, имеют расширенный отогнутый венчик и одну или две ручки, украшенные сверху головками животных, а иногда вместе с тем и веревочным орнаментом по всей наружной поверхности ручки. Самым южным пунктом находки подобной ситулы является могильник урартского времени в сел. Малакю, бывш. Игдырского уезда, а самым северным — селение Жаботин на Украине (Киевская обл.). Между этими двумя пунктами, на территории Закавказья и Северного Кавказа, в могильниках и кладах VIII—VI вв. до н. э. неоднократно были обнаружены ситулы, служащие, подобно египетским предметам, показателями межплеменного обмена. Они, несомненно, изготовлялись на Кавказе и вероятнее всего на территории горного Кавказа, где они выступают в огромном количестве.

В культурном слое урартского времени на Кармир-блуре обнаружено большое количество вещей, скифских по происхождению. Следует отметить, что в соседнем помещении (№ 24), наряду с другими предметами, было найдено два наконечника (трехгранный и двуперый) стрел архаического скифского типа с шипами на втулке, наподобие тех, которые были найдены у западного фасада здания. Найденные в основном культурном слое Кармир-блур скифские предметы указывают на близкие отношения урартов и скифов еще до штурма крепости, последовавшего около 590 г. до н. э.

В то время как материалы из описанной кладовой дают ярко выраженные урартские и скифские комплексы, раскопки аналогичного большого помещения (№ 28)³ вместе с предметами, характерными только для ванской культуры, дали замечательный комплекс железных и бронзовых предметов, обнаруживающих близкое сходство с таковыми же из могильников Армении (табл. XXI). Здесь также по двум сторонам столбов, сооруженных из сырцовых кирпичей, были вкопаны в земляной пол 70 больших карасов с обозначениями емкости, выполненными иероглифически. Карасы эти оказались порожними, за исключением некоторых. Один из них был перекрыт сверху бронзовым щитом обычного урартского типа с конусообразно выступающей средней частью и широким отогнутым бор-

¹ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., рис. 62.

² Там же, рис. 60.

³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, Ереван, 1952, стр. 28—40.

том, на котором была вычеканена посвятельная надпись царя Аргишти, сына Менуи, с указанием принадлежности щита городу Ирпунн, находящемуся на холме Арин-берд (близ Еревана), как это выяснилось летом 1950 г. после обнаружения там клинообразных надписей двух урартских царей Аргишти, сына Менуи и Сардура, сына Аргишти (VIII в. до н. э.). У караса, рядом стоящего, был обнаружен другой щит с надписью Русы, сына Сардура. В этом карасе оказались склепанный из листовой бронзы котел, а под ним цельный бронзовый шлем с надписью царя Аргишти, сына Менуи, с чеканным изображением деревьев жизни со стоящими перед ними крылатыми богами и урартской колесницы, обрамленных дугообразно свисающими головками львов. Здесь же были обнаружены 8 бронзовых умбонов от боевых щитов, изготовленных из прутьев нвы. Все они имели на себе надписи двух урартских царей VIII в. до н. э.¹

Карас (№ 46), покрытый щитом с надписью Аргишти, сохранил нам замечательный комплекс железных и бронзовых изделий, состоящий из трех железных тесел типа, обнаруженного Ж. Морганом на Лалваре (табл. XVIII, рис. 1—3), двух крупных фрагментов изогнутых ножей, обломков втульчатых топоров или молотов (табл. XVIII, рис. 4), наконечника копья среднего размера (табл. XVIII, рис. 5), обычного для Закавказья типа, железного браслета (табл. XVIII, рис. 6), бронзовой головки кинжала (табл. XVIII, рис. 7) и двух фрагментов пояса из листовой бронзы, украшенного пятью полосками выбитого точечного узора и снабженного по краям равно удаленными друг от друга отверстиями для обшивки кожаной подкладки (табл. XVIII, рис. 8). Один из сохранившихся фрагментов пояса, представляющий слегка закругленный конец его, сохранил на себе гравированное изображение дерева жизни, не отличающегося по деталям от остальных урартских изображений подобного рода. Недалеко от этого караса, вместе с урартскими гиревидными печатями из глины и жировика и бусами различных форм и материала, был обнаружен бронзовый браслет, украшенный на концах змеиными головками, широко известного в Армении типа, ножные браслеты из бронзы типа, обнаруженного в ущелье Хртаноц, а также маленькие фибулы с выгнутой дужкой², не отличающиеся от фибулы, найденной в ворнакском погребении № 5.

В этом же помещении был обнаружен обломок бронзового колчана или же горита с гравированным изображением быков и львов, не отличающихся композиционно и по деталям от изображения бронзового щита, найденного Рассамом на Топрах-Кале. Быки, изображенные на этом фрагменте, по всем признакам соответствуют таковым же на фрагменте пояса из с. Гуши, на берегу оз. Урмия³, где, между прочим, были изображены также фантастические крылатые существа (грифоны), напоминающие изображения на фрагментах пояса из Головино, но более грубой отделки. Вместе с поясом были обнаружены здесь головы быков, сделан-

¹ Б. Б. Петровский, ук. соч., стр. 35—37.

² Там же, стр. 18.

³ Б. А. Куфтин, ук. соч.

ные из бронзы, принадлежность которых урартскому искусству подтверждается находкой на Кармир-блуре ведерки с прикрепленными к ней аналогичными головками и таковыми же на замечательной глиняной вазе. Но об этом ниже.

Изображения аналогичных быков мы встречаем на вновь обнаруженных на холме Арин-берд стеновых росписях с изображением сильно стилизованных деревьев, молящихся перед ними богов, держащих в руках корзины, ряда быков, розеток, пальметок и крупных фигур крылатых гениев. Кроме карасов, в помещении было обнаружено большое количество разнообразных керамических изделий: глиняные статуэтки, аналогичные найденным в предыдущем помещении, глиняные гири в виде четырехгранного усеченного конуса с отверстием в верхней части, а также глиняная табличка с четырнадцатью строками клинописи.

Наконец, в разных местах на полу помещения было обнаружено большое количество глиняных сосудов урартского и местного типов. Относительно керамики, обнаруженной до сих пор на Кармир-блуре, нужно сказать, что она разнообразна и разнотипна. Краснолощенная керамика урартского образца (кувшины с одной ручкой, чаши и двойные сообщающиеся сосудики) резко отличаются здесь от другой группы, представленной в сравнительно меньшем количестве. Это образцы местной керамики, сосуды черного или красноватого теста с широким горлом, украшенные елочным, гребенчатым, семячковым и волнообразным орнаментами, и кувшины темного или светлого оттенка, с украшенной лощением и рельефом поверхностью, для которых характерны прорезные ручки. Подобная керамика характерна для археологических памятников Армении VII—VI вв. до н. э.

Однако, как бы интересны ни были раскопки цитадели на Кармир-блуре, они дают все же, главным образом, урартский материал, на основании которого восстанавливается широкая картина духовной и материальной жизни урартов накануне их исчезновения с исторической арены. Менее ярко освещается путем этих раскопок жизнь местного населения, уходящая своими корнями в самостоятельную местную почву, жизнь населения, вошедшего в скором будущем в состав армянского народа. В этом отношении исключительный интерес представляет изучение поселения городского типа у Кармир-блур, населенного в большей своей части местными жителями и отличающегося целым рядом местных элементов. Город этот был расположен к югу и западу от крепости на широком, ныне безжизненном, плато реки Раздан (пл. 40 га), огражденном стеной с восточной и юго-восточной сторон, сврагом с запада и каньоном реки Раздан с севера.

Раскопками, произведенными здесь в 1948—1950 гг.¹ (К. Л. Оганисян, В. С. Сорокин) выяснилось, что город был построен по определенному, заранее намеченному плану, что имеет место во всех городах древневосточного типа. Однако выяснилось также, что строительство его осу-

¹ В. С. Сорокин. Раскопки древнего поселения, Кармир-блур, II, стр. 79—86.

существовало не без применения местной строительной техники, силами местного, подчиненного урартской власти населения.

Город имел длинные, широкие улицы, по сторонам которых расположены были целые комплексы жилищ, состоящие из отдельных однотипных домов, образующих собой монолитную постройку под единой крышей. Отдельные же дома состояли из одного открытого дворика, двух жилых помещений и имели отдельные входы¹.

Остатки этих жилищ залегают непосредственно под дневной поверхностью и сохранили три-четыре ряда сухой кладки, сложенной из грубо обработанных или же необработанных камней. Внутреннее пространство этих помещений было завалено камнем, шедшим на глубину 60—70 см. Ниже каменного завала, в слое мелкой сыпучей земли, был обнаружен основной культурный слой, очень небогатый, но очень характерный².

Более древний слой, представленный остатками чернолощеной керамики эпохи поздней бронзы и зольным напластованием, располагался ниже основного слоя. Он был обнаружен в помещении № 10 и уходил под кладку стен. К этому слою, несомненно, нужно причислить створу литейной формы для крупного топора-секиры, найденную на территории города еще в 1936 году и, кроме того, случайно найденную каменную форму для отливки прорезного дисковидного украшения. Таким образом стратиграфические наблюдения с большой определенностью указывают на существование поселения на этом месте еще в эпоху поздней бронзы, имеющего развитое ремесло и гончарное производство. Нет сомнения, что городские кварталы жилищ с основным культурным слоем, были воздвигнуты на развалинах более раннего поселения.

Но в помещениях городских жилищ был обнаружен и более поздний слой. Глинобитные полы некоторых помещений (№№ 1, 3, 16, 18) были прорезаны могильной ямой овальной формы, обставленной грубоотесанными камнями и перекрытой такими же сверху в виде ложного свода. В одной из этих могил оказался скелет ребенка, лежавший на левом боку, с подогнутыми ногами. Около костяка было обнаружено незначительное количество вещей, но у нижней челюсти оказалась серебряная драхма с изображением Александра Македонского (по определению А. А. Быкова IV в. до н. э.). Наличие этого слоя скорее указывает на прекращение жизни в городе, по крайней мере во время штурма крепости, тем более, что керамика, обнаруженная в городе, не переходит за VII в. до н. э. Таким образом, основной культурный слой залегал над слоем эпохи поздней бронзы и был прорезан сверху погребениями IV в. до нашей эры. Эти общие культурно-хронологические рамки для основного слоя в совершенной определенности уточняются при рассмотрении керамики этого слоя, которая представляет собою основную и характернейшую массу инвентаря, обнаруженного в жилищах. С помощью керамики и других данных основной слой этого поселения датируется временем существования

¹ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 17.

² В. С. Сорокин, Тейшебаини—урартский город на территории Закавказья (рукопись).

крепости Тейшебаини и близких ей по культуре могильников Армении. В этом особенно убеждает нас разбор керамики, обнаруженной в жилищах города и подробно исследованной В. С. Сорокиным в своей неопубликованной еще работе.

Мы лишь вкратце перечислим урартскую и местную керамику, не связывающуюся типологически с нашей, и более подробно остановимся на группах ее, сходных с образцами местной керамики из могильников VII—VI вв. до н. э.

Среди «городской» керамики, найденной исключительно в фрагментированном состоянии, огромным количеством выделяются большие толстостенные сосуды с округло-оформленными неорнаментированными венчиками розового цвета, с плоскогранными, орнаментированными защипами, венчиками красно-коричневого цвета, находящими аналогии среди сосудов из временных жилищ у стен дворца, построенных наспех теми же городскими жителями перед нападением скифов, в надежде найти спасение за оградой мощной крепостной стены.

Горшки, миски и кувшины являются основной домашней посудой, представленной в массовом порядке, но не имеющей убедительные сопоставления. Для мисок светлорыжевого или красноватого оттенка характерны венчики, обращенные во внутрь сосуда. Венчики горшков представлены тремя типами: венчики с округлым краем без утолщения, находящие полную аналогию в сосудах из жилищ во дворе цитадели, венчики с утолщенным краем и округлые венчики, нависающие над стенками сосуда, не имеющие аналогии в знакомых нам комплексах. Следующую группу составляет краснорыжевая урартская керамика, покрытая ангобом. Эта керамика в помещениях городского поселения встречается в незначительном количестве. Фрагменты эти принадлежат мискам, одинаковым с найденными в цитадели, а также кувшинам, верхняя сторона которых всегда вогнута во внутрь, а нижняя сторона имеет выпуклость. Эти сосуды отличаются от найденных в самой крепости своим рыжеватым оттенком. Керамика указанных урартских образцов, характерная для всего периода существования Урарту, известна из урартского могильника, раскопанного П. Ф. Петровым в 1914 году¹, из раскопок А. С. и П. С. Уваровых и А. Д. Ерицяна на Армавирском холме, из столицы Ванского государства — Тушпы и, наконец, из урартской крепости Ирпуни, датированной VIII в. до н. э., двумя надписями Аргишти, сына Менуи, и одной надписью царя Сардура, сына Аргишти.

В одном из помещений среди керамических остатков были обнаружены крупные фрагменты маслосбойки, дающие возможность В. С. Сорокину реставрировать сосуд, не отличающийся по форме от известных в Закавказье маслосбоек с коротким горлом, широко отогнутым венчиком и вертикальной ручкой ниже венчика. неотъемлемой частью этих сосудов является маленькое отверстие у ручки с рельефно выступающим над поверхностью сосуда бортом. Сосуд этот, в отличие от других, имел серый цвет

¹ Б. А. Куфтин, ук. соч., Вестник Гос. Музея Грузии, т. XIII—В.

и был орнаментирован двумя валиками, а также прямыми и волнистыми линиями, проведенными штампом. Изнутри он был снабжен пятью рядами заостренных выступов. По краям дна, имеющим отверстие, были расположены такие же выступы. В 1947 году подобный сосуд был найден в «комнате привратника», у южных ворот крепости (табл. XIX, рис. а и б).

Наконец, последняя группа чернолощеной керамики представлена в жилищах города фрагментами большого кувшина (помещения №№ 5 и 6) и ручками кувшинов. Эти кувшины ничем не отличаются от знакомых нам из раскопок могильников Армении и Кармир-блур (цигадели) образцов. Характерным их элементом, как уже было отмечено во второй главе настоящей работы, является штампованная треугольниками ручка. Эти кувшины являются, несомненно, замечательными образцами местного керамического производства (табл. XX). К местной же керамике относятся два замечательных фрагмента, лощенные сеткой и орнаментированные рельефными дугами в виде неправильного полукруга с шишечкой посередине. Черепки эти своим наружным оформлением вовсе не отличаются от замечательных кувшинов, известных по раскопкам в Головино (погр № 2) и на Лалваре. Впоследствии появились, в небольшом количестве, подобные образцы урартского производства.

Каким бы то типам не принадлежала керамика из городских помещений, совершенно ясно, что она изготовлялась в основном на месте, в самом городе, что документируется находкой гончарного глиняного круга в одном из помещений его.

Остальные немногочисленные изделия, найденные вместе с керамикой, представляют собой бытовой инвентарь. Среди них отдельную группу составляют каменные зернотерки, ступки или блюда с цилиндрическими пестами, встречаемые в жилищах во дворе цитадели, а также выдолбленные из камня «кормушки».

Другую группу составляют железные изделия: ножи из железа, обломки серпа, известного из могильников Армении, игла, шило и др. предметы. Были найдены также отдельные бусины и урартская гиревидная печать из камня, характерные для времени широкого освоения железа. Одна из них изготовлена из сердолика, а две — из пасты. Интересно, что одна из этих последних принадлежит к типу «домино», каковые имеются в коллекции Государственного Исторического музея Армении. В виде остатков пищи были обнаружены разбитые кости быка, буйвола, лошади, свиньи, джейрана, дикого барана и козла. Остатков зерен в помещениях обнаружено не было, равным образом не были обнаружены также помещения для скота, кладовых и других хозяйственных мест. Отсутствие следы сколько-нибудь значительного хозяйства. Эти наблюдения привели руководителя Кармирблурской археологической экспедиции Б. Б. Пиотровского к тому заключению, что жилища эти являются «типично городскими постройками» и его «жители не имели собственного хозяйства и жили на государственном довольствии»¹.

¹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, стр. 18.

Заканчивая описание раскопок на территории городского поселения. следует отметить, что рассмотренный здесь вещественный материал имеет одинаковый характер с материалом из крепости на Кармир-блуре и из могильников эпохи широкого освоения железа в Армении, что говорит за одновременность этих памятников. Но кроме того, в материале из поселения, правда менее четко, но определенно наблюдаются связи и с другим памятником. Это могильник, расположенный к югу от Кармир-блур, за пределами абрикосовой рощи. Здесь на ровной площадке, покрытой скудной растительностью, в 1940 и 1948 гг.¹ были обнаружены и раскопаны грунтовые, овальной формы погребения, окруженные по краям кругами или полукругами, выложенными из мелкого камня. Они были покрыты в своем большинстве каменными плитами и содержали по одному скорченному скелету с незначительным количеством вещей.

При изучении этого могильника сразу же бросается в глаза отсутствие оружия, так много встречаемого во всех могильниках Закавказья. Это обстоятельство невольно приводит к мысли о том, что, по всей вероятности, мы имеем дело с погребальными памятниками поработанного, подчиненного властью урартских завоевателей населения, составляющего значительную часть жителей города, и приходим к выводу о некоторой синхронности могильника и урартского поселения. Инвентарь могильника беден, главную массу его составляют керамические сосуды и шесть наконечников стрел из дымчатого обсидиана, аналогичных найденным в погр. № 2 у с. Головино. Еще в 1940 г. Б. Б. Пиотровский писал, что керамика из этого могильника обнаруживает большое сходство с чернолощеной керамикой могильника у крепости Кизил-кала, относящейся к началу I тысячелетия, а часть керамики, в частности сосуды с семячковым орнаментом (типа табл. XI, рис. 3), имеет соответствие в материале из циклопических крепостей Арагаца (Хором). В дальнейшем такие сосуды стали известными из самой Кармирблурской цитадели, из раскопок, произведенных нами в ущелье Хртаноц, как в виде фрагментов, так и совершенно целые. Одновременно Б. Б. Пиотровский выразил предположение, что поселение может содержать тождественный с могильником материал, предшествующий возведению цитадели. В этой связи небезынтересно остановиться еще на одной группе керамики из помещений города. Это чернолощенная керамика, встречающаяся в культурном слое в виде мелких фрагментов. Среди этих черепков особенно выделяются те, которые кроме лощения, имеют еще орнамент, выполненный иным способом, и кроме того сосуды, обработанные не только лощением, но и дополнительной полировкой. Анализ этой группы фрагментов указывает на совершенную одинаковость керамики из городских помещений и из могильника. Для последнего характерна орнаментация сосудов горизонтальными линиями, наподобие черепков, обнаруженных в первом кромлехе ущ. Хртаноц; полное же соответствие с чернолощеной керамикой города и могильника у

¹ См. С. В. Тер-Аветисян, Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур. Предварительный отчет о раскопках 1940 г. Изв. АрмФАН СССР, № 4—5, стр. 158—159.

² Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, 19—20.

Кармир-блур обнаруживает выше уже упомянутая керамика с территории Ереванского вокзала, примыкающего с севера к поселению урартского времени, датированного урартскими гиревидными печатями.

Кроме того, в могильнике были найдены в большом количестве чернолощенные миски, отличающиеся от обнаруженных в поселении фрагментов мисок с вогнутым венчиком — вертикально стоящим бортом. Они были снабжены ручками в виде треугольного выступа с вертикально проткнутым отверстием, наподобие мисок из Головино и из долменовидного погребального сооружения в Сисиане (табл. XXI). Близкие к этим, продырявленные ручки на фрагментах мисок встречены были и на поселении (табл. XXI).

Таким образом, можно заключить, что датировка могильника одним своим концом опирается на вещественный материал поселения и могильников VIII—VII вв. до н. э., а другим концом — на чернолощеную керамику типа могильника Кизил-кала (нач. I тысячелетия).

Все описанные археологические памятники, как видно, характеризуются одними и теми же чертами, за исключением цитадели на Кармир-блуре, где вместе с характерным для закавказских могильников инвентарем очень сильно представлены урартские вещественные памятники и Кармирблурского могильника, примыкающего к группе рассмотренных нами памятников, но не идентичного. На основании всего этого можно без затруднения выделить характерные для всех этих памятников группы металлических предметов, имеющих совершенно близкие формы, а следовательно и назначение. Это обстоятельство делает возможным рассмотрение отдельных групп металлического инвентаря закавказских могильников VII—VI вв. до н. э. на основании археологического материала, добытого раскопками одного лишь могильника, хотя каждый из этих могильников, если даже они примыкают друг к другу территориально, обнаруживает часто и свои специфические черты. В дальнейшем изложении попытаемся анализировать инвентарь синхронных археологических памятников Армении на основании вещественных комплексов из раскопок могильника в ущелье Хртаноц. Анализ этих комплексов поможет нам в деле установления культурно-хронологического места выделенной группы памятников среди других археологических памятников Закавказья.